

Шэнь Хуэйцы, привалившись к спинке дивана в кабинете, изучал последние сводки в Weibo. Он слегка нахмурился, не отрывая взгляда от экрана.

— Сяо Е, он удалил пост.

Переключившись на вкладку с горячими темами, актер добавил:

— И заголовки из топа тоже начали исчезать.

Первой мыслью Линь Сие было вмешательство брата или Мо Гуаньци. Но, поразмыслив, он отмел эту догадку: он ясно дал им понять, что у него есть план. Как бы они ни переживали, они не стали бы действовать за его спиной, не поставив в известность.

Удаление поста Ань Ци лишь подлило масла в огонь. Сеть взорвалась с новой силой: теперь пользователи были уверены, что на актера надавили «сверху». Теории о заговоре капитала посыпались одна за другой. Одновременно с этим начали исчезать публикации и у маркетинговых аккаунтов, что в глазах толпы стало окончательным доказательством произвола. На форумах вовсю обсуждали, какими угрозами заставили замолчать Ань Ци и блогеров. Для Линь Сие ситуация становилась критической.

Словно этого было мало, зоркие пользователи опознали в таинственном мужчине в черном, который недавно появился на большом экране во время концерта Шэнь Хуэйцы, именно Линь Сие. Это стало последним гвоздем в гроб его репутации, подтвердив слухи о его запутанных связях со множеством звезд. Потрясенные фанаты засыпали сеть комментариями:

«Боже, ну и аппетиты... Он пошел на концерт Сюй Сяннаня вместе с Шэнь Хуэйцы? А потом еще и засветился с ним на огромном экране под песни Чэнь Сяня? Силен, ничего не скажешь».

«Он что, сумасшедший? Трое за одну ночь?»

«Господи, что творят эти богачи...»

«Понятно теперь, что звезды для них — просто игрушки».

«Какая грязь! Тошнит от этого!»

«Бессовестный делец, скорей бы его лавочка прикрылась!»

Поначалу фан-клубы пытались держать оборону и чистить комментарии, но поток ненависти

стал слишком велик. Поклонники начали массово отмечать официальные страницы студий своих кумиров, требуя немедленных объяснений. Однако агентства всех трех артистов хранили гробовое молчание, что доводило фанатов до исступления. Кое-кто даже начал срывать на прямые оскорбления: «Если это правда, катитесь все трое к Линь Суе в наложки и завязывайте с карьерой! Не делайте нас частью своих ролевых игр!»

Шэнь Хуэйцы перечитывал эти ядовитые строки, и его брови сходились на переносице всё плотнее.

— Сяо Е, пора вмешаться?

— Люди Чэнь Сяня вышли на меня, — продолжил он. — Сказали, что полностью полагаются на твоё решение и готовы поддержать любые твои действия.

Это известие немного удивило Линь Суе. С Чэнь Сянем его не связывала долгая дружба; то, что певец не переметнулся на сторону Хо Хэна, уже было достойным поступком. Но он даже не пытался поспешно обелить себя, хотя в кризисном пиаре время — решающий фактор. Упустишь момент — и никакие оправдания не помогут.

Был еще и Сюй Сяннань. Будучи айдолом, он жил любовью своих поклонниц, а сейчас те поливали его грязью, массово покидая фан-клубы. И всё же совсем недавно он нашел время, чтобы утешить Линь Суе, предложив любую помощь.

Линь Суе почувствовал, как к горлу подкатывает комок. Эти двое, которым он никогда не делал ничего особенного, без колебаний встали на его сторону. В то время как человек, обязанный ему жизнью матери, стал тем, кто вонзил нож в спину.

Изначально он планировал дождаться, пока Хо Хэн выложит все карты, и только потом нанести ответный удар. Но если сам он мог подождать, то шоу-бизнес — нет. Он не хотел, чтобы из-за этой грязной игры пострадали невинные люди.

Ветер за окном продолжал неистово завывать.

Линь Суе произнес негромко, и в его хриплом голосе чувствовалась стальная решимость:

— Начинаем.

Шэнь Цунцзин с самого утра был в полной боевой готовности, буквально приклеившись к телефону. Он прекрасно знал, что его младший дядя — не из тех, кто привык терпеть обиды. А учитывая, как тот дорожил молодым директором Линем...

Он вспомнил, как несколько дней назад, ни свет ни заря, получил от Шэнь Хуэйцы приказ: немедленно отправить людей в отель «Циньвань» и разобраться с записями камер видеонаблюдения. Тон дяди в тот момент напоминал тон древнего тирана, обещавшего отрубить головы всем, кто не справится.

Видит бог, как он был раздавлен, увидев утренние вбросы. Шэнь Цунцзин был уверен, что сработал чисто и быстро, и представить не мог, что кто-то всё же успел раздобыть доказательства.

Всё утро его била дрожь, а сердце было не на месте.

И дело было не в трусости. Просто те годы, когда Шэнь Хуэйцы еще жил в главном поместье семьи, оставили в его памяти слишком глубокий след.

Старый господин Шэнь на склоне лет обожал Сюй Минчжу и души не чаял в её детях. Несмотря на то, что поведение Шэнь Хуэйцы порой граничило с безумием, дед всё равно видел в нем одного из главных наследников.

Вот только сам дядя ни в грош не ставил эту честь и с презрением смотрел на грызню за власть. По-настоящему крупная ссора, после которой старик вышвырнул его из дома, случилась, когда Шэнь Цунцзину было шестнадцать, а Шэнь Хуэйцы — семнадцать.

В тот год в семье объявился внебрачный сын, которого старик признал и назвал Шэнь Жунем. Мальчишка был скользким, умел подлизываться и угождать. Старый господин, когда-то искренне любивший его мать, чувствовал некую вину и относился к Шэнь Жуню с необычайной теплотой, ставя его в один ряд с законными детьми.

Это вскружило бастарду голову, и он возомнил, что может диктовать свои условия. Огромной ошибкой с его стороны стало решение задеть Шэнь Хуэйцы. Видя, что дед благоволит им обоим, Шэнь Жунь вечно пытался что-то у него отобрать, считая дядю главным препятствием на пути к наследству.

Шэнь Цунцзин помнил, что конфликт разгорелся из-за пустяка — хрустальной подвески в виде синей розы. Шэнь Хуэйцы купил её на аукционе и очень ею дорожил. А через несколько дней Шэнь Жунь притащил точно такую же, но красную.

Во время ужина они столкнулись на лестнице, и красная подвеска Жуня разлетелась вдребезги. На шум явился старый господин. Желая укротить строптивый нрав Шэнь Хуэйцы, он приказал: «Хуэйцы, отдай свою синюю подвеску Сяо Жуню в качестве компенсации».

Шэнь Хуэйцы лишь усмехнулся. Семнадцатилетний юноша, который был уже на полголовы выше деда, посмотрел на него сверху вниз и холодно произнес:

— Я же сказал: он сам на меня налетел. Ты что, оглох?

Он сказал это при всей семье. Старик, багровея от злости, ударил тростью об пол: «Я сказал — отдай!»

— Это моя вещь. Можешь даже не мечтать.

Лицо Шэнь Хуэйцы словно покрылось льдом. Он перевел взгляд на торжествующего Шэнь Жуня, и в его глазах вспыхнуло нечто пугающее.

— Твои методы жалки и ничтожны. Я уже несколько раз прощал тебя, но ты продолжаешь испытывать мое терпение.

Никто не успел опомниться, как Шэнь Хуэйцы ударил Жуня ногой по колену, заставляя того упасть, а следующим ударом в плечо толкнул его с лестницы. Пролет был невысоким, и бастард отделался испугом.

Но это был лишь десерт. Шэнь Хуэйцы в два счета сбежал вниз, мертвой хваткой вцепился в воротник Жуня и поволок его к выходу. Старик кричал, приказывая слугам остановить его.

Но остановить его было невозможно. Он дотащил парня до его флигеля, вошел внутрь и, достав канистру бензина, начал методично поливать всё вокруг — комнату за комнатой.

Шэнь Цунцзин, стоя за спиной отца, в ужасе наблюдал, как Шэнь Хуэйцы закончил свою работу и достал из кармана серебряную зажигалку с гравировкой той самой синей розы.

Подоспевший старый господин едва держался на ногах от ярости. Он замахнулся тростью: «Паршивец!»

— Кто, черт возьми, вообще хотел быть твоим сыном? — огрызнулся Шэнь Хуэйцы. Он перехватил трость и с такой силой толкнул деда, что тот едва не упал. Затем он повернулся к побледневшему Шэнь Жуню и произнес голосом, от которого кровь стыла в жилах:

— Только попробуй еще раз посягнуть на то, что принадлежит мне.

Раздался щелчок. Пламя зажигалки заплесало перед его лицом, подчеркивая безумный блеск в глазах.

Он небрежно швырнул зажигалку на пол. Вспыхнуло мгновенно.

Шэнь Цунцзин смотрел, как юноша выходит из темноты на фоне бушующего за его спиной

пламени. Его взгляд в тот момент был острее любого лезвия.

Тогда он еще даже не был совершеннолетним.

С того дня Шэнь Хуэйцы больше не появлялся в родовом гнезде.

Он вернулся только перед смертью деда, и многим показалось, что он изменился — прежняя мрачная неистовость словно испарилась. Но Шэнь Цунцзин быстро понял, как он ошибался. Как только дядя помог ему занять место главы семьи, первым делом он разделался с Шэнь Жунем. Подробностей Цунцзин не знал, но этот человек просто исчез с лица земли, и больше его никто никогда не видел.

Эта история навсегда врезалась в память Шэнь Цунцзина. Он на всю жизнь усвоил, что его дядя — человек запредельно мстительный, и под маской ленивого актера скрывается всё та же темная, собственническая натура.

Если этот человек что-то любил, его тяга к обладанию становилась абсолютной. Это была фанатичная, почти пугающая потребность защитить свое.

Поэтому Шэнь Цунцзин с самого начала знал, чем закончится этот фарс.

Учитывая, как дядя дорожил Линь Суе, инициаторам скандала не стоило ждать пощады. Даже если сам Линь Суе решит простить их, Шэнь Хуэйцы найдет способ отомстить. Цунцзину даже стало немного жаль этих глупцов — не того врага они себе выбрали.

Звук нового сообщения вернул его в реальность. Он горько усмехнулся: вместо того чтобы жалеть других, стоило бы пожалеть себя. Когда буря утихнет, дядя наверняка придет сводить счета. Директор Шэнь со вздохом открыл файл.

Это было заявление, сопровождаемое краткой припиской: «Поставь печать "Цинъюань"».

Увиденное застало его врасплох. Обычно подобные документы заверяются печатью актерской студии. Но когда он вчитался в текст, то понял: это было не заявление. Это был ультиматум, приказ! Властный тон и вызывающая манера — чистейший стиль Шэнь Хуэйцы.

Первое: мои отношения с господином Линем — это нормальное дружеское общение.

Второе: все доказательства клеветы и манипуляций фактами в адрес господина Линя уже собраны.

Третье: продолжите лгать — встретимся в суде.

У Шэнь Цунцзина потемнело в глазах, но спорить он не посмел. Он лишь покорно ответил: «Понял, младший дядя. Дай мне минуту».

Он сработал быстро: приложил печать и отправил файл обратно. Ответ пришел мгновенно — сообщение было прочитано, но оставлено без комментария. А когда он заглянул в Weibo...

Шэнь Хуэйцы V: «Все вопросы направляйте в юридический отдел "Цинъюань Текнолоджи"».

[Изображение]

В комментарии тут же хлынули толпы фанатов и просто любопытных, засыпая пост вопросительными знаками.

«??»

«Что это значит?»

«"Цинъюань Текнолоджи"? Та самая "Цинъюань"?»

«...Там печать настоящая».

«Черт... Становится всё интереснее».

«Погодите... Так Шэнь Хуэйцы из тех самых Шэней, которые владеют "Цинъюань"? Брат, если у тебя такая семья, зачем ты вообще в кино пошел?»

«Ничего себе... Какое тут к черту спонсорство? Это же просто встреча двух богачей».

«Но какие всё-таки у тебя отношения с Линь Суе? Почему вы провели ночь вместе?»

Шэнь Хуэйцы безошибочно выцепил этот комментарий. Он мельком взглянул на Линь Суе, который сосредоточенно готовил доказательства за компьютером, и, немного подумав, быстро набрал ответ:

«Раз уж вы так жаждете правды: это я в одностороннем порядке добиваюсь его расположения».